

Колонка редактора

UDC 101.9

DOI: 10.21146/1606_6251_2022_3/4_6_42

Ю.М. Резник

ДОЛЖНА ЛИ ФИЛОСОФИЯ СЛУЖИТЬ ГОСУДАРСТВУ?

***Аннотация:** Философия всегда находилась в сложных отношениях с государством, переходя от сотрудничества с ним к конфронтации, и наоборот. Между тем подавляющая часть отечественных философов прямо или косвенно «работает» на государство. Философия как дисциплина прочно вошла в образовательные программы и вправе считаться государственной. Об этом и о многом другом размышлял В.С. Соловьёв больше 130 лет назад. Его мысли оказались актуальны и для нашего времени. Российская философия по-прежнему находится в тисках бюрократии. А сегодня она оказалось вместе со всей страной ещё и в политической изоляции.*

В центре внимания автора данной статьи оказывается не только статус государственной философии, но и возможности её участия в идеологической работе. Наши великие предшественники (В.С. Соловьёв, Н.С. Трубецкой и др.) пытались определить духовно-цивилизационные основания российской государственности, возлагая особые надежды на христианскую рели-

---

Резник Юрий Михайлович – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, вице-президент РФО (Москва). E-mail: reznik-um@mail.ru

---

гию. Они критиковали подчиненную роль философии государству, а последнего — правительственной бюрократии.

По мнению автора, философия является государственной в том смысле, что она: (1) финансируется государством; (2) определяется государственными стандартами и подвергается бюрократической регламентации; (3) следует культурным традициям и участвует в свою очередь в формировании идеалов государства. В своём служении государству философы руководствуются интуицией, идеями и концепциями, реализуя их в форме проектных практик, а также посредством симфоничности и рефлексии. Их главная цель — обоснование культурно-цивилизационной миссии России в современном мире.

Ключевые слова: Россия, культура, цивилизация, философия, государство, культурная миссия, идея, идеология, концепция, практика, идеократия, служение, симфония, рефлексия, ирония.

Философия и государство. Сегодня, когда страна оказалась втянута в прямое, в т.ч. военное, противоборство с Западом, российским философам, как некогда прежде, следует определить своё отношение к собственному государству и его культурно-цивилизационным основаниям. Недавно мне попала на глаза заметка В.С. Соловьёва «Государственная философия в программе Министерства народного просвещения», опубликованная в сентябре 1885 г. в газете «Русь» (издатель — И.С. Аксаков) [1]. Она навеяла на меня грустные настроения по поводу одной трудноизлечимой социальной болезни России — бюрократизма. Как и 137 лет назад, положение философии в российском государстве вызывает много вопросов.

Наши предшественники, как и мы сегодня, пытались ответить на следующие вопросы:

- В чем состоит государственный (и шире — цивилизационный) статус философии?

- Чем должны заниматься отечественные философы — непринуждённой рефлексией, свободной от каких-либо обя-

зательств, работой по выполнению государственных заказов или прояснением цивилизационных оснований развития государства и общества?

- Какова степень их академической свободы и профессиональной автономии в государстве и обществе?

- Обязаны ли они участвовать в выработке государственной идеологии, в т.ч. в сфере образования и просвещения?

С тех пор, как в стране началась «перестройка», прошло свыше тридцати пяти лет. За это время многие отечественные философы уже не раз сменили свои идейные одежды — от поддержки реформаторов 1990-х гг. до критики их действий, от идеологической стерильности до поддержки руководителей государства и участия в выработке общенациональных стратегий. Вместе с тем они пережили момент смены поколений в философском сообществе России, которое стало ещё более идеологически неоднородным. Нужно признать, что значительная часть сообщества придерживается либеральной ориентации и продолжает определять умонастроения исследователей и преподавателей. Однако многие из них не потеряли связь с реальной практикой, пытаясь отстоять автономию своей профессии и непрерывность философского образования в самые трудные для страны этапы жизни.

Но пришла ли снова большая «перемена» в философии и философском образовании в современной России, о которой писал в 1885 г. В.С. Соловьёв? Можно ли сказать, что наступил период безмятежности и бессознательности и закончился цикл либеральных реформ? Может быть, философы, оказавшись в политико-идеологической изоляции со стороны Запада и оставшись один на один с собственной бюрократией, обратились к анализу как проблем цивилизационной идентичности России, так и собственной гражданской идентичности? Ведь так было и в конце позапрошлого века, когда Соловьёв писал свою заметку. И тогда его посещали тревожные мысли по поводу бюрократического принуждения в преподавании философии и возможной реакции самих философов на административный произвол (см. прим. 1).

Да, В.С. Соловьёв высказывал опасение, что между верховной властью и интеллигенцией находится бюрократическая прослойка, которая сдерживает развитие страны и зачастую провоцирует неоправданные социальные конфликты как внутри неё, так и за её пределами. Вместе с тем он высказывает предположение, что чем либеральнее власть (пример правления Александра Павловича), тем лучше она для народа, признавая вместе с тем, что «...необходимо прийти к тому заключению, что сильная государственная власть для своего благотворного действия нуждалась в известных условиях; сама же в себе она никакого источника живой воды не заключала и в годину испытаний одна, сама по себе, не могла спасти ни народа, ни самое себя» [1, 177-178]. Нужно честно признать, что критика власти Соловьёвым относится лишь к её бюрократической организации и не затрагивает сами основы монархического режима.

Более радикальную позицию в отношении действующей власти заняли евразийцы, предложившие сменить монархию и пришедший за ней большевистский режим на демотию и вместо бюрократии призвать на службу народных избранников — правящий отбор. Правда, гарантировать то, что вновь избранные слуги народа станут лучше нынешних чиновников и не будут подвержены древним социальным болезням (бюрократия, коррупция и пр.), никто не может. Так уж повелось испокон веков на Руси, что мало кто, придя к власти, смог избежать в дальнейшем соблазна либо приватизировать эту власть, либо использовать её как «кормушку», что, впрочем, во многом одно и то же.

Но перейду к вопросу о государственном статусе философии. Так, В.С. Соловьёв полагает, что Министерство просвещения относит философию к несуществующим наукам или дисциплинам, которые основаны «на принципе самодержавной неограниченной власти» [1, 179-180]. Самодержавие же есть сверхправовое начало, восполняющее недостаточность отвлеченного и формального права, принадлежащего к традиции восточной части римского права (Византийской им-

перии). Вместе с тем монархия — это не только единоличная власть, но и защитник православной апостольской церкви, статус которой регулируется церковным правом.

Следовательно, в отечественной философии, по мнению Соловьёва, сложилась двойственная ситуация: с одной стороны, она обязана служить государю как воплощению верховной власти, поддерживая дух самодержавия и православия, а с другой, она подвергается давлению правительственных чиновников, которые ненадлежащим образом исполняют царскую волю. Вам, уважаемые читатели, это не напоминает нынешнее положение российских философов? Не кажется ли вам, что нас давно бы уже «списали», если бы не метафизическая потребность высшей власти в самопознании, которую лучше всего осуществлять на идейном фоне русской философии? А это значит, что «войти в историю» России невозможно без приобщения к истокам русской философской мысли. Философы в России были нужны верховному правителю лишь в той мере, в какой они оправдывали его стремление «прослыть в вечности», стать неотъемлемой частью истории и культуры. Не этим ли занимались многие русские философы XIX — начала XX вв. (в т.ч. и В.С. Соловьёв), утверждавшие незыблемость православных устоев царской власти (см. прим. 2).

Отсюда следует, что во все времена философия была нужна российскому государству как форма его идейной легитимизации или шире — как самооправдание и самообоснование действующей власти. Так, В.С. Соловьёв отмечал попытку Министерства просвещения создать «действительную философию» государственно-церковного права “с точки зрения русского народа”» [1, 181]. Вопрос о том, какова природа самого государства, относится, на его взгляд, к компетенции философии. Однако его не устраивала посредническая роль чиновничества в отношениях между высшей властью и религией. В этой связи он писал: «Особый характер нашей государственности хотят определить её отношением к церкви...» [1, 181]. Но при таком подходе Министер-

ство народного просвещения вряд ли сможет вырастить своего Гегеля, «который подарил бы нам “феноменологию духовного ведомства”... [1, 181]. Тогда придётся заменить философию церковным правом или что ещё хуже — формальным правом правительственной бюрократии, которая лишь прикрывается авторитетом церкви, а на самом деле служит собственным интересам.

Понятно, что философия не нужна правительственной бюрократии, поскольку она разоблачает её своекорыстную суть, чуждую нуждам народа и чаяниям интеллигенции. Именно за это Соловьёв критикует министерскую программу философии, подчёркивая, что она оказалась недостаточно последовательной и не смогла выстроить приоритет церкви перед государством, а последнего перед правительственной бюрократией. «Итак, альфа и омега новой государственной философии есть то, что есть именно единовластие петербургской бюрократии под предлогом самодержавия» [1, 183]. Очевидно, что философия в государстве, которое не определяется церковью, а лишь утверждает всевластие правительственной бюрократии, не может выполнять свое прямое назначение — быть «глашатаем воли государя» как главного защитника православия и поборника общественных идеалов России.

Получается замкнутый круг. Так что же впереди — лошадь или телега? Во все времена российские чиновники, стремящиеся подменить государя и установить собственное самодержавие, не хотят быть лошадью, предоставляя это место народу, но при этом желают сидеть на телеге впереди лошади, хотя общеизвестно, что у последней нет заднего хода. Можно предположить, что философии ими уготована роль символического кнута. Не потому ли чиновники устраивают время от времени проверки самих философов на идеологическую лояльность и политическую благонадежность.

Так было в советское время и так остаётся сегодня. К тому же ситуация в нынешней российской философии усугубляется расколом внутри самой политической элиты в целом и правительственной бюрократии, в частности, которые под-

разделяются условно на два больших клана — либерально-западнический и консервативно-патриотический. Поэтому философам ничего не остаётся, как пытаться подстраиваться под интересы того или иного клана. От этого зависит их материальное положение, получение научных грантов, социальное самочувствие и пр. Хотя должен признать, что многие из них, прикрываясь зонтиком идеологической стерильности, уже давно «присягнули на верность» либерально-западническому крылу государственной бюрократии и продолжают извлекать из своего положения определенные дивиденды. Философы же консервативно-патриотической ориентации подвергаются зачастую остракизму и другим нападкам. Получается, что быть философом-патриотом сегодня невыгодно. Проще прикрываться маской идейного безразличия и не выдавать своих истинных убеждений, занимаясь к тому же какой-нибудь узкой темой.

Полагаю, что всё сказанное выше В.С. Соловьёвым, относится во многом к характеристике сегодняшнего состояния отечественной философии. Последняя, как и прежде, находится под прессом бюрократии, уповая при этом на высшую волю своего правителя и обращаясь к нему по любому поводу. Но служит ли она при этом государству? В какой-то мере да, поскольку пытается соответствовать государственным научным и образовательным требованиям, контроль за разработкой которых опять же находится в руках правительственной бюрократии, ориентированной преимущественно на западные стандарты, несмотря на то, что нас уже давно вычеркнули на Западе из списка «цивилизованных» стран.

И если для Соловьёва было важно сохранить не только государственную, но и религиозную сущность философии, то сегодня перед российскими философами стоит несколько иная задача. С одной стороны, они продолжают заниматься тем, чем занимаются, а именно — пытаются выжить и сохранить свой профессиональный статус в ситуации идеологической изоляции со стороны Запада и усиливающейся бюрократической регламентации внутри страны. С другой сто-

роны, они с надеждой ждут перемен в своём положении, которые рано или поздно должны прийти «сверху». Ведь не случайно наш Президент всё чаще обращается к мудрым заветам великих русских философов.

Так что реальность, в которой живут сегодня многие наши философы, может быть вполне названа вымышленной или иллюзорной. Как правило, они предпочитают иметь дело с идеальным («свободным», «демократическим», «социальным» и пр.), а не с реальным государством, которому к тому же наши западные «коллеги» присваивают нелицеприятные ярлыки (автократия, деспотия и пр.).

Поэтому следует отметить, что платоновский образ идеального государства и управляющих им философов продолжает жить. И надо признать, что и Соловьёв в своё время также не терял надежды на возрождение государственной философии, чтобы с её помощью «воспитать будущих государственных и общественных деятелей» [1, 184]. Но для этого потребуются, с его точки зрения, излечить вначале государственность и направить её в русло христианской церкви, так как только последняя несет в себе «живую сущность» Бога. Философия же призвана возвести эту сущность в мыслимую формулу и показать «пути к действительной правде (идеалу), т.е. тому, что *должно быть* в обозримой перспективе. Нельзя её отдавать в услужение политическому оппортунизму...» [1, 184].

Но что же считать сегодня «действительной» правдой, с одной стороны, и «политическим оппортунизмом», с другой?

Во-первых, у каждого субъекта (власти, народа, какой-либо группы интеллигенции) имеется своя правда, далекая зачастую от общепринятых представлений об истине или справедливости. Для православных людей, в т.ч. философов, правда заключается в слове божьем. Другие же пытаются найти её в субъективно понимаемой истине. Но правда, в отличие от истины, близка к идеалу, т.е. к тому, что, по мнению В.С. Соловьёва, *должно быть* в перспективе, но ещё не стало таковым в реальности. Следовательно, она не относится к действительному положению вещей, а лишь свидетельствует о

благих намерениях субъекта («истина во благе»), стремящегося во что бы то ни стало изменить своё жизненное положение к лучшему.

Во-вторых, для правящей элиты в целом и философской общественности России, в частности, оппортунизмом выступает не просто «заигрывание» с Западом, а осознанное стремление определённых (как правило, прозападных) сил навязывать идеалы и ценности последнего в публичной сфере страны, в т.ч. в области гуманитарного образования и общественных наук. При этом проявления «политического оппортунизма» можно наблюдать и в ходе специальной военной операции, когда либерально-западническая бюрократия и прислуживающая ей интеллигенция продолжают блокировать любые попытки обращения к собственным культурным истокам и философским основаниям. Может быть, по этой причине воюющая страна никак не перейдёт к формированию собственной модели «смешанной» экономики и политической мобилизации всех слоёв населения в ситуации всё более обостряющегося противостояния с Западом.

В то же самое время современная консервативно-патриотическая философия не может оставаться на прежних позициях, отстаивая, например, идеалы русской религиозной философии. Ведь в чём, например, видел роль государственной философии В.С. Соловьёв, говоря о том, что должно быть? Философы, по его мнению, обязаны стать хранителями высших религиозных ценностей, которые олицетворяет верховная власть государя. Именно это делает их представителями как народной мысли, так и царской воли. Но в наше время нет необходимости подчинять государство церкви, а философию — христианскому государству. Они давно существуют раздельно, хотя и в тесном взаимодействии друг с другом.

Каково же тогда предназначение современной отечественной философии в ситуации раскола российской элиты и цивилизационного противостояния с Западом? Сможет ли она выстроить мост между расколотыми частями и предложить близкие им всем ценностные приоритеты? Полагаю, что смо-

жет, но лишь при условии самоизменения и принятия установки на служение собственному государству, каким бы далёким от идеала оно не было. Сформулирую в этой связи некоторые положения.

Первое. Философия, чтобы быть востребованной государством и обществом, должна быть *культуроцентричной*, т.е. вырастать из глубин, из самого ядра собственной культуры. Именно на этом настаивали русские философы XIX в. и классические евразийцы (П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, Н.Н. Алексеев, Г.В. Фроловский, П.П. Сувчинский и др.). И пока современные отечественные философы не смогут выразить логику смысла своей культуры (или культур) и представить её в новых концепциях, трудно рассуждать о культурных основаниях самой философии и её способности противостоять чужому цивилизационному влиянию.

А что же происходит с нынешними поколениями философов? На словах их призывают к идеологической нейтральности, а на практике большинство философов руководствуются европоцентристской и в целом западноцентристской логикой смысла, что не мешает им, конечно, критически относиться к Западу. По словам А.В. Смирнова, западная цивилизация руководствуется субстанциальной логикой, центрированной на субъекте [7, 173-174], и добавлю от себя – на его представлениях о правах и свободах (свободе слова, праве на частную собственность и пр.). Поэтому следует признать, что большинство философских исследований в России проводятся в соответствии с западными традициями. Нам только ещё предстоит «вырастить» свою культууроцентричную философию, прежде чем доказать её практическую востребованность со стороны государства в лице его официальных представителей.

Второе. Философия должна быть *общественно значимой*, т.е. быть публичной дисциплиной и служить высоким общественным идеалам, а не интересам бюрократической корпорации, прикрывающейся вывеской «российское государство». А это потребует не только изменения философского самосоз-

нения, но и трансформации самого государства, что связано в свою очередь с преодолением либерально-западнического духа бюрократической корпорации и выработкой общественно-государственной идеологии, соответствующей логике культуры российской цивилизации.

Увы, постсоветское российское чиновничество не только не утратило, но и укрепило свой бюрократический дух. Кроме того, оно продолжает во многом культивировать западные корпоративные ценности и игнорировать общественные идеалы, характерные для большинства наших соотечественников. Свидетельств тому более чем достаточно. Либерально-западническая часть высшей бюрократии, будучи «государством в государстве» или мегакорпорацией, создает подконтрольные ей корпорации снизу, что порождает множество малых и средних бюрократических структур, в т.ч. в академической науке и университетском образовании. Как говорят, подобное притягивает подобное. Замечу, что не только притягивает, но и умножает.

Ещё раз подчёркиваю, идеология в России возможна только как конвенциональная по форме и общественно-государственная по сути система идей, укоренённых в собственной культуре. А значит, философы призваны отстаивать общественные идеалы, вырастающие из недр своей культуры, а не навязанные им извне, и побуждать государство к диалогу с обществом, чьи интересы оно должно отстаивать. Нам необходимо постепенно преодолевать губительные последствия либеральных реформ в сфере высшего образования и науки. В то же время нельзя принимать целиком православный уклон и утопический этатизм, свойственный определённой части консервативно-патриотической интеллигенции, в т.ч. неоевразийцам.

Таким образом, одной из главных задач нынешних поколений отечественных философов выступает разворачивание «критики критической критики», если иметь в виду под «критикой» анализ попыток отдельных мыслителей законсервировать православно-монархический или иной авторитарный

режим, а под «критической критикой» — опыт либерально-западнической интеллигенции в ниспровержении «идолов» советского (коммунистического) строя и изобличении всего «советского», который особенно ярко проявил себя в 1990-е гг., а сегодня продолжает вытравливать в стране всё «российское» и «самобытное» (пример — формирование негативного образа русского мира).

Одним словом, с позиций «критики критической критики» необходимо подвергнуть не только критическому, но творческому переосмыслению как либерально-западнические, так и консервативно-патриотические идеи, чтобы выработать на этой основе культуроцентричные общественные идеалы, наполняющие конкретным содержанием государственную идеологию. В этом и заключается, на мой взгляд, участие отечественных философов в идеологической работе, сколь бы негативно к этому ни относились мои предполагаемые оппоненты.

Третье. Философия, чтобы быть полезной российскому государству, должна быть формой *гуманистического познания*, обосновывающей приемлемые в нравственном смысле средства для достижения государственных целей. «Истинно русский человек, христианин... полон благоволения ко всему человеческому — к добру, красоте и правде в каждом смертном» [2, 287]. Это же относится и ко всем философам современной России, принадлежащих к другим конфессиям.

К сожалению, ныне, как и в конце XIX века, в мире снова возобладала человеконенавистническая идеология, которая прикрывается радикально-религиозными и даже откровенно нацистскими лозунгами. Об этом свидетельствуют многочисленные конфликты, возникающие на геополитической и этнорелигиозной почве в разных уголках мира, в т.ч. на границах Российской Федерации. Поэтому философы призваны противостоять такой идеологии и предлагать пути гармонизации отношений между отдельными людьми, народами и государствами. «Миролюбие и кротость, любовь к идеальному и открытие образа Божия даже под оболочкой временной мерзости и позора — вот идеал русского мыслителя, мечта русской

нравственной философии» [2, 287]. К этому следует добавить, с точки зрения Соловьёва, жажду духовного равенства и истинную соборность сознания российских людей.

Надо отметить, что распространённый ныне когнитивный аппарат и условный моральный облик российского философа во многом срисован с его западного коллеги, у которого на первом месте стоят субстанциализм, рационализм, сциентизм и плюрализм. То, в чем состоит собственная этическая и когнитивная позиция отечественного философа, пока не прояснено до конца. Но я не уверен, что он должен руководствоваться исключительно познавательными и этическими средствами западной философии, игнорируя собственные исследовательские (и шире – культурные) традиции. Но и миролюбие или любовь к идеальному, воплощённому в образе Бога, вряд ли помогут современному российскому философу выработать свое видение настоящего и будущего России, которая оказалась сегодня в состоянии открытого военно-политического и духовно-культурного столкновения с западной цивилизацией.

Опыт познавательной деятельности русских религиозных мыслителей демонстрирует нам то, что философия не должна превращаться в подобие науки и следовать её канонам (сциентистская установка). Последняя может также вступать в союз с религией (пример – религиозная традиция в русской философии), становясь частью общего дела всей духовной элиты общества (религиозная ориентация). Кроме того, Н.А. Бердяев и другие русские философы подчёркивали гуманистическую и виталистическую (жизнеутверждающую) функции отечественной философии, т.е. её стремление к благоговению перед человеком и благоговению перед жизнью вообще. И это далеко не всё, что характеризует российскую философию в познавательном и нравственном плане. Но главное – сохранить гуманистический вектор развития российской философии, которой пока не удалось предложить и обосновать конвенциональную и человекоразмерную модель цивилизации, способную преодолеть раскол элиты и стать идей-

ной альтернативой западной цивилизации.

Четвёртое. Если признать, что философы являются слушателями и творцами культуры, чем они и могут быть полезны государству, то их деятельность должна опираться на развитую *инфраструктуру* (институты, фонды, периодические издания, технические средства и пр.), соразмерную их творческому потенциалу. Инфраструктурная составляющая философии (в т.ч. философские издания) призвана «дать полный простор русской мысли, искренней проповеди человеческого добра и вселенской правды...» [2, 288]. И отставание материально-технической и структурно-организационной базы является одним из факторов, тормозящих развитие философии в современной России.

Вот здесь нам пригодится язык цифр. Возьмем, к примеру, обеспеченность России философскими журналами. По данным РИНЦ в стране зарегистрировано 261 тыс. исследователей, имеющих прямое или косвенное отношение к философии. А это – целая армия. Конечно, многих из них уже нет в живых и далеко не все из живущих работают в философии в качестве исследователей и преподавателей. Но специалистов, регулярно публикующих (или опубликовавших) труды по философии, насчитывается примерно 10 тыс. человек. К ним необходимо добавить множество аспирантов и соискателей, которые готовят диссертации по философским наукам.

При этом количество журналов, которые публикуют статьи по философии, составляет 481, в т.ч. 160 журналов, включенных в ядро РИНЦ, 74 журнала входят в перечень ВАК РФ и 120 журналов имеют высокий рейтинг по числу цитирований (свыше 1000 ссылок) (см. прим. 3).

Я рад сообщить, что журналы Российского философского общества (РФО) имеют устойчивый рейтинг. Так, например, журнал «Личность. Культура. Общество» занимает 10 место по цитируемости среди 196 философских журналов, представляющих полные тексты в базу данных РИНЦ (2519 статей и 7198 цитирований), а «Вестник РФО» – 27 место при 3380 цитированиях (см. прим. 3).

Но достаточно ли такого количества философских журналов для того, чтобы обеспечить потребности в публикационной активности исследователей, в т.ч. членов РФО? Конечно, нет. Так, опубликоваться в философских журналах, входящих в перечень ВАК, могут далеко не все желающие (по моим подсчетам примерно 9 тыс. чел. из 25-30 тыс.). Не удивительно, что к защите допускаются только 12% аспирантов, а многие преподаватели философии не выполняют своих научных обязательств и регулярно не публикуются.

Всё ли делает российское государство для того, чтобы укреплять издательскую базу и иную инфраструктуру философии? Ответ очевиден. И это одна из причин (наряду с усилением бюрократической регламентации и засильем западных идей) того, почему многие философские журналы прекращают издание, а исследователи не могут удовлетворить свои потребности в публикациях. К сожалению, по этим и другим причинам мы вынуждены завершить издание журнала «Личность. Культура. Общество» с 2024 г.

Таким образом, отечественная философия, чтобы соответствовать вызовам эпохи и быть востребованной собственным государством, должна стать более культуроцентричной, общественно значимой и публичной, гуманистически направленной и инфраструктурно обеспеченной. Но достаточно ли этих изменений в положении философии и философов, чтобы ей обрести статус государственной дисциплины?

Что значит для философии быть государственной дисциплиной? А теперь перейду к рассмотрению следующей группы вопросов:

- возможно ли философам служить государству в ситуации господства корпоративно-бюрократических структур и доминирования либерально-западнической интеллигенции?

- как самой академической науке, в т.ч. философии, избежать бюрократизации и не превратиться в придаток государственно-бюрократической корпорации?

Мой самый краткий ответ на первый вопрос таков: да, философам нужно и должно служить государству, способствуя

при этом его трансформации в жизнеспособный, человеко-размерный организм и препятствуя его окончательному превращению в либерально-бюрократическую корпорацию. Перейду теперь к детальным пояснениям.

Во-первых, в первом приближении государственной называют философию, которая *финансируется государством* (научно-исследовательские институты РАН, философские кафедры и факультеты вузов, кабинеты философии колледжей, философские издания и пр.). Но является ли отечественная философия государственной по духу? И в какой мере можно относить к ней работы независимых исследователей и исполнителей грантов, финансируемых частными научными фондами?

Ответы на эти и другие вопросы не столь очевидны, поскольку предполагают обсуждение фактов участия философов в выработке и реализации государственной идеологии определённого типа. Но так как единой идеологии в российском государстве нет, да и не может быть де-юре (по действующей Конституции РФ), то остается признать, что де-факто философы вынуждены исполнять идеологические стандарты, навязываемые им представителями либерально-западнического крыла бюрократии.

Так называемое «глубинное государство», несмотря на не очень удачный и расплывчатый по смыслу термин, продолжает свой губительный (пролиберальный по сути) курс вопреки заявлениям Президента РФ о кризисе либерализма и исчерпанности потенциала либеральных реформ. Иначе как объяснить многочисленные свидетельства сохранения западно-либеральных идей и технологий в сфере образования и науки со стороны государственных чиновников (например, замораживание, а не полная отмена Болонского процесса, копирование западных образовательных программ и форм обучения, заимствование зарубежных критериев и методик оценки результативности научно-образовательной деятельности, использование западных баз данных для определения рейтинга публикаций отечественных авторов в научных жур-

налах и пр.). И эти процессы продолжаются даже в условиях нарастающей конфронтации с Западом.

Одним словом, отечественная философия, несмотря на переживаемый страной момент, по-прежнему находится в интеллектуальной и финансовой зависимости от Запада. Но нашим «старшим братьям» прямо или косвенно оказывают содействие отдельные группы чиновничества и интеллектуалов. И это происходит, несмотря на то, что исторический опыт уже показал, что либеральная прививка обществу и государству, проведённая в 1990-е гг., не принесла ощутимых и полезных плодов. Напротив, многовековое цивилизационное противостояние России и Запада продолжает только усиливаться. А это значит, что русская философия, как и вся русская культура, продолжает испытывать на себе не только внутреннее, но и внешнее давление. Ей ещё только предстоит отделиться от «материнской пуповины» западной философии, продолжая изучать многовековой опыт последней. Вопрос же о том, стоит ли государству финансировать прозападные исследования философов, я оставляю открытым.

Во-вторых, философия, как известно, может служить государству и целям «мирового разума» главным образом в контексте *рефлексивного освоения* (и присвоения) *собственной культуры* и критически-избирательного отношения к чужим культурам. Не случайно Н.С. Трубецкой и другие классические евразийцы призывали к построению идеократического государства, базирующегося на русской культуре и православной религии. Культура, с их точки зрения, первична по отношению к государству. Поэтому философам нужно и должно служить государству, которое в свою очередь подчинено культуре. А значит, они призваны сохранять свою культуру, защищая тем самым тот базис, на котором должно быть построено государство.

А что же делать с тем государством, которое мы имеем, со всеми его недостатками и пороками, не подлежащими перечислению в силу небольшого объёма данной статьи? Исторически оно сформировано на чужом культурном и политическом базисе. Поэтому, на первый взгляд, оно недостаточно

культуросообразно и его надо «окультуривать», т.е. пересаживать на собственную культурную и социальную почву. И казалось бы философии здесь принадлежит величайшая *культуротворческая миссия*. Именно она, претендуя на то, чтобы быть *самосознанием культуры*, отвечает в первую очередь за рефлексивное и проектное сопровождение взаимоотношений между культурой и обществом-государством.

Но так ли это происходит на практике? Или отечественные философы продолжают «умножать сущности» и находиться в чужой системе культурных координат, так и не включившись до сих пор в общенациональный цивилизационный дискурс? Иными словами, они продолжают дело «большого брата». Да, достучаться до небес (высшей власти) и пробить стену, возведённую бюрократией, снизу сложно. К тому же и власть не особенно балует философов, ограничивая возможности их публичного участия в обсуждении важнейших мировоззренческих проблем. Увы, философы задают слишком много неудобных вопросов, ставящих под сомнение действия и реформы самой власти. Пусть уж лучше занимаются в тиши кабинетов интерпретацией своих «вечных проблем», а не критическим анализом повседневного бытия людей в нынешнем государстве.

Но всё это нисколько не снимает вопрос о мировоззренческой и гражданской ответственности самих философов. Они по-прежнему идеологически разобщены, а потому не могут служить государству в полной мере. Различие между ними заключается в том, какое цивилизационное будущее они предсказывают. И вот здесь их дороги расходятся. Но всё же надо попытаться найти точки соприкосновения между ними. Для этой цели как нельзя лучше подходит Российское философское общество, в стратегию которого входит поиск путей интеграции ценностных ориентаций философов. Только так мы можем приблизиться к служению государству.

В-третьих, философия может и должна служить не только идеальному государству, представленному в утопиях Платона или тех же евразийцев, а также других мыслителей про-

шлого, но и реальному, в т.ч. *авторитарному, государству*, пораженному бюрократической коррозией и вирусом коррупции. Как сказал бы В.С. Соловьёв, наше государство надо лечить, избавляя его от бюрократического диктата среднего эшелона власти (правительственных чиновников) и усиливая влияние христианской религии. Ему бы, наверное, возразили евразийцы, заявив о том, что причина болезни как раз и заключается в отсутствии подлинной идеологии и её основного субъекта — правящего отбора, который, в отличие от бюрократии, служащей собственным интересам и представляющей «государство в государстве» или «глубинное государство», способен принести себя в жертву ради реализации евразийской идеи.

Но проблема заключается также в том, что бюрократия, однажды поселившись в нашем общем доме (государстве), становится доминирующей формой власти, вытесняя другие формы, в т.ч. прямое народовластие (демотию), которое предлагали учредить евразийцы вместо царского (а затем и большевистского) режима. Но, как говорится, до Бога высоко, до царя далеко, а чиновники всегда находятся рядом и в непосредственной близости от тех, в чьей судьбе они принимают участие. Их нельзя обойти. Поэтому им грех не воспользоваться своей «срединной» позицией и под ширмой государственных дел продолжать свою частно-корпоративную деятельность. А что же остаётся делать философам и другим представителям интеллигенции? Ведь это об их ситуации сказал Чацкий в «Горе от ума»: «служить бы рад, прислуживаться тошно».

Убеждён, что отечественные философы в своем большинстве готовы служить высоким идеалам и ценностям, записанным в Конституции РФ, но они не могут прислуживать интересам компрадорской (по сути) и околонаучной (по характеру) бюрократии, ориентированной главным образом на западные исследовательские стандарты, или «быть на подхвате» у разного рода дельцов от науки. Возможно потому, что это не соответствует их идейным установкам и нравственным принципам. А, возможно, ещё по какой-то иной причине.

Однако, очевидно, что для многих отечественных философов служение её величеству Истине и служение государству не противоречат друг другу, хотя их опыт общения с последним не позволяет относиться к нему с должным доверием. Примечательно, что нынешнее российское государство оказалось в значительно большей степени подвержено бюрократизации и коррупции, чем советское государство, хотя я нисколько не намерен идеализировать советский строй. Думаю, что одна из причин этого связана с тем, что у нынешних чиновников значительно меньше идейных и моральных преград, чем у их советских предшественников.

Каждый раз, вступая во взаимодействие с государством, мы наталкиваемся на новые, всё более изысканные бюрократические барьеры и связанные с ним ограничения в нашей профессиональной деятельности. Поэтому нас не оставляет страх перед Левиафаном, который выступает в разном облике. Увы, либеральный тоталитаризм, вырождающийся местами в откровенный либерал-фашизм, представляет сегодня не меньшую опасность, чем обыкновенный нацизм. Правда, в отличие от последнего, он действует в долгосрочной перспективе, постепенно загоняя людей в сети социальной сегрегации и тиски тотального (информационного, потребительского и пр.) контроля. К этому следует добавить практикуемые на Западе такие методы, как «отмена культуры», принижение и размывание традиционных ценностей, конструирование «нового человека», гендерные технологии, форматирование сознания и др.

И всё же, несмотря на трудности, философы должны научиться работать с той частью бюрократии, которая относится к науке как к национальному достоянию России. Хочется надеяться, что таких осталось ещё не мало.

В-четвертых, опасность либерально-западной бюрократизации отечественной науки в целом и философии, в частности, заключается ещё и в том, что она проникает в наши умы и повседневное общение, становясь частью *научного этоса*. Дело в том, что, перенимая чужие образцы, «организаторы»

науки и образования создают аналогичные государственным корпоративно-бюрократические структуры, которые не подотчетны рядовым исследователям и преподавателям философии. Как и любая корпорация, они закрыты для участия посторонних. Членство в них определяется корпоративным отбором, в котором принимают участие только действующие члены. Всё это находится далеко от идеи правящего отбора евразийцев.

И всё же признание бюрократического несовершенства правительственной бюрократии и навязанной ею западной системы регламентации науки не избавляет философов от ответственности за формирование образа будущего страны и государства. Нельзя предоставлять чиновникам монопольное право самим решать то, какими будут или должны стать российское государство и цивилизация. Они и так превратили их во многом в собственную вотчину, разделив между собой сферы влияния и финансовые потоки. И на этом «празднике жизни» обычным философам и учёным, не наделенным руководящими привилегиями, уже давно не осталось места. Поэтому им надо самим определиться с тем, как они должны действовать на государственной службе вопреки тому, что последняя подчинена в значительной мере логике чужой культуры и интересам компрадорской части политической элиты.

Как философы могут служить государству? Слагаемые служения. Ранее мы выяснили, что философия в России является, помимо прочего, государственным делом. И отечественные философы, хотя они этого или нет, служат не идеальному государству, а тому государству, которое они имеют. Они обязаны наладить сотрудничество с конструктивной и патриотической частью государственной бюрократии. Впрочем, никто не запрещает им культивировать образы другого (например, идеального) государства. Но пусть это остаётся их частным делом.

Представлю теперь некоторые предложения по плану возможного участия философов в деятельности государства. Я намерен рассмотреть вкратце слагаемые философской деятельности, которые могут быть полезны государству. А это, на

мой взгляд, – философские интуиции, идеи, концепции, практики, сотрудничество («симфония»), рефлексия и ирония.

1. *Философская интуиция.* Интуиция (от лат. *intueri* – наблюдать, созерцать) предшествует всему процессу философского познания мира, рассматриваемого в целостности и во всем его многообразии. Как известно, философы имеют дело с целокупностями. По Н.А. Бердяеву, философия и есть не что иное как «целостная реакция духа на совокупность бытия». Поэтому философская интуиция – это целостное схватывание любых предметов или явлений путем их бессознательного постижения (инсайт, озарение и пр.).

Следовательно, философы проникают в «запредельную сущность мира» посредством интуитивного постижения и на основе первичного погружения в реальность, связанного с её переживанием, чувственным (или сверхчувственным) восприятием. Но интуиция интуиции рознь. Можно предположить, что государству интересна в первую очередь интуиция, позволяющая схватить культурно-цивилизационную целостность России и представить её в виде идей и концепций.

2. *Философская идея.* Считается, что философы сильны, прежде всего, своими идеями (конечно, при условии, что эти идеи оказывают влияние на окружающих и являются востребованными представителями власти). Хочется также верить, что именно в качестве авторов и носителей идей они представляют интерес для государства и общества. Известно, что идея (греч. *idéa*) есть не что иное, как «форма постижения мира в мысли» (см. прим. 4). Принято считать, что она выступает в виде устойчивого прообраза того или иного явления (предмета), схватывая его главные или сущностные черты. Другими словами, идея выражает основную мысль о сущности какого-либо феномена.

Как правило, формулирование идеи начинается с проблематизации. В этом смысле идея есть логически обоснованный способ решения философской проблемы. Но далеко не всякая проблема попадает в фокус философии и трансформируется в идею. Философской считается проблема, характеризующая

всеобщие основания противоречия между человеком (субъектом познания и практики), с одной стороны, и миром, с другой. Иначе говоря, это — предельные вопросы о мире, в котором мы существуем, и о способах его постижения.

Сегодня, когда в мире происходит столкновение цивилизаций, нам нужны не просто идеи, а сильные и продуктивные идеи. Вспомним слова К. Маркса: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Как редактор одного из философских журналов могу отметить, что идеи, предлагаемые большинством авторов статей, следует рассматривать скорее как «идеи идей» или представления о должном, а не как руководящие и конструктивные положения, которые способны, к примеру, направлять и «одухотворять» деятельность государственных служащих. Увы, философы слишком далеки как от народа, так и от тех, кто принимает решения на государственном уровне. Всё это связано, так или иначе, не только с недостаточной активностью философов в публичном пространстве современной России, но и с отсутствием «прорывных» идей («бросков мысли» по Эпикуру).

К примеру, одна из главных проблем современной России — проблема справедливости, которая, разумеется, не может быть решена раз и навсегда. Об этом писал тот же Эпикур. «Справедливость не существует сама по себе; это — договор о том, чтобы не причинять и не терпеть вреда, заключенный при общении людей и всегда применительно к тем местам, где он заключается» (см. прим. 5). А значит справедливости вообще не существует. Она формулируется каждым народом и каждой цивилизацией самостоятельно.

Это относится и к российскому государству-цивилизации. По словам В.С. Соловьёва, необходимо «трудиться над освобождением России от явных общественных неправд... Русский народ не пойдёт за теми людьми, которые называют его святым только для того, чтобы помешать ему быть справедливым» [2, 295]. Философы же предлагают разные идеи справедливости, хотя лишь немногие из них могут оказаться полезными для государства как материал для принятия решений. Но

справедливость в образе Правды, привязанной к культурно-историческому контексту России и её регионов, — вот что должно стать предметом их исследований в ближайшие годы.

Другой пример относится к разным интерпретациям русской идеи. Тот же Соловьёв писал следующее: «...Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [3, 220]. Можно предположить, что русский мир может быть определён как пространство справедливости или Правды («истины во благе»). Но не так думал сам В.С. Соловьёв, который видел цивилизационное будущее России в лоне Вселенской церкви. Именно Россия, с его точки зрения, соответствует трем условиям: духовный авторитет первосвященника, символизирующего прошлое; наличие сильной светской власти национального государя (главы государства), олицетворяющего настоящее; свободное служение пророка, представляющего идеальное будущее человечества [3, 242]. Не буду здесь вдаваться в критический анализ данного высказывания. Своё отношение к цивилизационному проекту Соловьёва я высказал в соответствующей статье (см. [8]).

Однако мне импонирует не столько идея Вселенской церкви, сколько идея всечеловечности, у истоков которой стояли Н.Я. Данилевский и Ф.М. Достоевский. Одна из удачных интерпретаций этой идеи принадлежит А.В. Смирнову [7]. Предположительно, с точки зрения последнего, всечеловечность можно соотнести с русской идеей как общее («всецеловечность» — идентичность второго уровня) и особенное («русскость» — идентичность первого уровня).

К идее всечеловечности близка евразийская идея, о которой как об идее-правительнице писал один из главных представителей классического евразийства Н.С. Трубецкой. Это — идея свободного развития всех тех народностей, языков, религий и т.д., т.е. всех субъектов, которые составляют симфоническую культуру-личность или всесубъектность в понимании А.В. Смирнова [7, 180]. А евразийская идентичность состоит в том, что «...человек будет сознавать не только самого себя, но и свой класс и свой народ как выполняющую опре-

делённую функцию часть органического целого, объединённого в государство» [5, 442]. Другими словами, он (человек) в понимании евразийцев – осознающая себя часть особого мира (или цивилизации в моем понимании – Ю.Р.). Осознание себя частью особенной цивилизации и есть краеугольный камень культурной идентификации.

Именно евразийской идеей должен руководствоваться, с точки зрения Трубецкого, так называемый правящий отбор, избираемый по признакам общности мировоззрения и готовности к самопожертвованию [5, 439]. При этом русский мыслитель ставит вопрос так: каково то целое, ради блага которого нужно жертвовать своей жизнью? И сам же на него отвечает. Это – ни класс, ни народ и даже ни человечество в целом. Между конкретным народом и человечеством лежит особый мир, который представляет собой «совокупность народов, населяющих хозяйственно самодовлеющее (автаркическое) месторазвитие и связанных друг с другом не расой, а общностью исторической судьбы, совместной работой над созданием одной и той же культуры или одного и того же государства...» [5, 441].

Следовательно, цивилизация и есть то самое целое, ради которого должны жертвовать собой представители правящего (и не только) класса. А философы обязаны им помогать осмысливать процессы цивилизационного развития и определять его ценностные и мировоззренческие критерии. Для этого те и другие должны научиться работать вместе и воспринимать цивилизацию как свой общий дом. Месторазвитие цивилизации как раз и указывает нам на этот дом. «Дом есть фундаментальная цивилизационная ценность человека, отнесенная к топосу» [6, 276]. С этой точки зрения, цивилизовывание является не только «окультуриванием», но и «одомашниванием» конкретной территории, чем и обязаны заниматься государственные деятели с помощью философов.

Одной из «сильных» идей является также идея России как государства-цивилизации. Об этом размышляют, в частности, В.И. Спиридонова и В.Н. Шевченко (см. прим. 6). Россия – это государство, которое представляет собой уни-

кальную цивилизацию, как Китай или Индия. «Государство-Цивилизация может вступать во взаимодействие с внешним миром, но никогда не впадает от него в зависимость и всегда сохраняет самодостаточность, автономию и автаркию» (см. прим. 7). В целом эта идея близка евразийству, поскольку делает акцент на сильной государственной власти, исторической преемственности, культурном единстве страны и общей цивилизационной идентичности.

Ещё хотелось бы назвать идею экологической цивилизации в России, в основе организации которой лежат принципы допустимости (допустимого вмешательства в социоприродные процессы) и сбережения среды существования, включая людей, а также культурное и биологическое разнообразие всего мира. Об этом я уже писал в одной из своих статей [9].

Таким образом, отечественные философы располагают рядом идей (справедливость-правда, русский мир, всечеловечность, симфоничность, государство-цивилизация, экологический вектор и др.), которые определяются культурной спецификой российской цивилизации и могут оказаться полезными для патриотически настроенных государственных деятелей. И из всего многообразия мнений, позиций и идей философам как участникам государственной программы (проекта) необходимо выбрать и обосновать опорные конструкции того корпуса полученного знания, которое станет в дальнейшем базисом их концепций.

3. *Философская концепция.* «Концепция связана с разработкой и развёртыванием личного знания, которое, в отличие от теории, не получает завершённой дедуктивно-системной формы организации, и элементами которого являются не идеальные объекты, аксиомы и понятия, а концепты — устойчивые смысловые сгущения, возникающие и функционирующие в процессе диалога и речевой коммуникации... Референциальное отношение к предметам в них опосредовано речью Другого и моей речью, ориентированной на Другого. Каждый элемент концепции коррелирует не с объектом, а с целостностью личного опыта» (см. прим. 8).

Следовательно, концепция (в отличие от теории) – это промежуточный продукт философского творчества. В ней ещё присутствуют личные «включения» (экзистенциальный опыт и персональные наслоения), но они уже опосредованы дискурсом. Без построения развернутой концепции невозможна разработка программы, поддержанной или финансируемой государством. Ведь в любом случае необходимо начинать с формулирования руководящей идеи, которая в процессе дискурса наполняется новым содержанием, «обрастает» концептами и тем самым становится конвенциональной концепцией.

Так, например, из идей *свободы и равенства* вырастают целостные концепции, имеющие разную идейную направленность (социализм – капитализм, коммунизм – либерализм и др.). По мнению В.С. Соловьёва, свобода и равенство для большинства народа являются отвлечёнными понятиями. Верховная власть и собственность принадлежат богатой буржуазии, т.е. капиталистам, что ставит последних в заведомо привилегированное положение [4, 9]. Поэтому стремление социализма к равноправию материального благосостояния вполне оправдано. Однако его претензии на роль духовно-нравственной силы, с точки зрения русского мыслителя, не вполне обоснованы. Как он полагает, восстановление прав материи при социализме ничуть не лучше торжества прав эгоизма при либерализме.

Столь же необоснованным Соловьёв считает и провозглашение социализмом принципа справедливости как самоограничения «своих прав в пользу чужих прав...» [4, 10]. Можно, конечно, не согласиться с такой трактовкой, тем более, что далее русский мыслитель заключает, что если христианство требует отдавать своё, то социализм предлагает брать чужое. Я не буду спорить с данной формулировкой, которая мне представляется неточной и надуманной. Отмечу лишь, что столь же критически Соловьёв относится к капитализму, заявляя, что общественный строй, основанный на эгоизме отдельных лиц, порождает под вывеской соревнования или конкуренции вражду и общественное зло [4, 11]. Такова при-

рода современного капитализма. И далее следует вывод Соловьёва: только христианство есть безусловное начало нравственной жизни. И в его проекте Вселенской церкви оно должно послужить альтернативой как социализму, так и либерализму. Надо отметить, что такой подход в начале XXI века представляется мне утопичным, а социализм и капитализм ещё рано списывать с исторической арены. Вероятно, в разных комбинациях они продолжают своё существование в нынешнем веке. А вот христианство подвергается давлению не только со стороны других мировых религий, но и изнутри, что связано не столько с расколом его ветвей, сколько с внутренним кризисом.

В свою очередь Н.С. Трубецкой, развивая евразийскую идею, предлагает концепцию *идеократического государства* или государственно-идеологической организации, которая управляется правящим слоем — «совокупностью людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь общественно-государственного целого» [5, 407]. При этом каждому типу отбора соответствует своя форма правления: аристократическому отбору — монархия, которая прекратила свое существование, демократии и плутократии — республика. Идеократия же приходит им обоим на смену. Она предполагает правящий отбор с новым мирозерцанием, а в качестве цивилизационной основы — всю «совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация...» [5, 423].

Но насколько актуальны эти концепции в наше время? Ведь идеалы идеократического государства далеки от реальности, сложившейся у нас за последние тридцать лет. И столь же нереалистичными являются западные образцы национального и демократического государства, которые так и не прижились на нашей культурной почве. Какому же государству должны тогда служить философы? Если взять на вооружение уже названные идеи и концепции, отстаивающие самобытный путь России, то мы можем иметь дело с концепциями государства-цивилизации, идеократической (социалистичес-

кой или буржуазной) и экологической цивилизации. Но всё это требует, разумеется, дальнейшего обоснования. И не стоит надеяться, что большинство российских философов примут эти концепции на вооружение. Я не уверен, что наши философы смогут предложить сегодня нынешнему государству конвенциональные решения. Предстоит длительный процесс их идейно-ценностной консолидации.

4. *Философская практика.* Считается, что философия не ставит перед собой практических задач, оставаясь в пространстве абстрактных истин. Но это далеко не так. Сложились разные направления практической философии. Вот одно из них: «Практическая философия (софология) – это философия, имеющая целью воздействовать на людей силой мысли через посредство слова, убеждения... » (см. прим. 9). Имеется также движение по распространению философских практик (см. прим. 10). Несмотря на разнообразие подходов, ясно одно, что философы осуществляют собственные практики в публичной сфере, переводя в реальность свои идеи и концепции. И этим они потенциально могут быть полезны государству и обществу.

Но что же такое философская практика? Прежде всего, это – деятельность по применению философских идей и концепций для решения конкретных мировоззренческих проблем общества, организации или конкретного клиента. К числу практик следует отнести, на мой взгляд, такие виды философской деятельности, как аналитика, метафизическое проектирование, рабочие совещания (научно-практические семинары, диалоги, организационные игры и пр.), выполнение госзаказов и мировоззренческое консультирование. Именно они чаще всего применяются в работе с органами государственного управления. Однако востребованность государством большинства философских практик не слишком велика, если не сказать ничтожна. А пока преобладает практика выполнения государственных заданий, которые вписывается в нынешнюю систему управления наукой.

И здесь важно отметить ещё одно обстоятельство. Отечественные философы, настаивая на своей идейной и профес-

сиональной автономии, так и не смогли до сих пор наладить диалог с властью. А значит, их проекты и практики по-прежнему далеки от момента их публичного признания и последующей реализации, о чем уже было сказано ранее. Конечно, можно сколько угодно обвинять в этом саму власть, присваивая ей ярлыки авторитарности, недемократичности, колониальности и пр. Но не лучше ли признать, что реальность власти такова, какова есть. И другой власти или другого государства у нас не будет в ближайшей перспективе. А, следовательно, ещё раз подчёркиваю, нужно научиться работать с конкретными представителями государственной власти, постепенно, шаг за шагом подвигая их к культуроцентричным философским практикам.

5. *Философская симфония.* Существует мнение, что философ мыслит о всеобщем, опираясь, с одной стороны, на собственный экзистенциальный опыт, а с другой, на достижения философской мысли великих предшественников. Иными словами, его философская практика (например, проект) вырастает не только из глубин самосознания, но из всего наследия, которое ему удалось освоить и переработать. Следует также отметить, что практически у каждого философа есть свой персональный проект или проект его философствующего «Я», которое характеризуется особым складом мировоззрения и индивидуальным стилем (или авторской манерой исполнения), представленным в речи, тексте, жестах, характере самовыражения.

Когда же мы говорим о служении философии государству, то речь идет уже не об особом опыте философов (их проектах или индивидуальных траекториях движения внутри философии или философского сообщества), т.е. не о его личном призвании, а об общем деле. Государству не может служить отдельный философ со своим персональным проектом, который разрабатывается с учётом индивидуальных интересов. Государственная служба — удел всего философского сообщества. Каждый из нас служит государству вместе с другими представителями философского цеха. Сам же характер

такой деятельности классические евразийцы называли симфоничностью или «сорботничеством». Не пора ли на этом основании приравнять философов, как и учителей или врачей, работающих в государственных учреждениях, к государственным служащим?

Таким образом, быть на службе государства означает для философа стать частью общего дела коллективного организма (сообщества, институции и пр.), встроенного в социокультурное целое (цивилизацию). Именно этим мы должны заниматься, выполняя государственные задания и программы. И здесь мы обязаны по возможности воздерживаться от личных амбиций и идейных предпочтений, о чём писал и В.С. Соловьёв. «Всякое исключительное отстаивание своей личности, своей односторонней личной правды — есть грубое самозванство, есть подражание духу чуждому, иноземному. Всякое глумление над правдою только потому, что она не моя правда, есть оскорбление правды — вечной, общечеловеческой. Если русскому народу суждено получить значение в будущих судьбах человечества, то лишь как носителю великой истины взаимного дополнения духовных личностей, нравственного единения всех людей, — превознесённых и униженных, знающих и только ищущих знание и правды» [2, 288].

Следовательно, субъектом такой правды может выступать только вся совокупность людей, которую евразийцы именовали культурно-личностью или симфонической личностью. Отечественная философия призвана вырабатывать целостное мировоззрение и реализовать свою исследовательскую программу, адресуя её симфонической личности (всему обществу) и участвуя тем самым в общем деле. Ещё раз повторяю, служение философии государству возможно, прежде всего, как коллективное предприятие, подобное оркестру, в котором каждый музыкант играет свой фрагмент композиции и исключительно на том инструменте, которым он владеет в совершенстве. Только так может сложиться нравственное единение и духовное сорботничество в российском обществе, т.е. социокультурная симфония.

Ведь философское сообщество России и есть тот самый оркестр, где первую скрипку, как правило, доверяют играть не просто самому опытному или продвинутому музыканту, а человеку-симфонии, способному слиться со всеми в едином творческом процессе и вместе с ними создать уникальное произведение. А ещё философскому оркестру нужен талантливый дирижер (человек-оркестр), который способен не заглушать голос каждого участника, а поддерживать гармонию и создавать единый строй мысли. Единомыслие здесь – не признак тоталитаризма, а проявление симфоничности всей государственной философии. Без солидарности (не путать с лояльностью) невозможно служение философии государству или обществу. К сожалению, в нашем философском сообществе явно не хватает первых скрипок, как, впрочем, и дирижеров. А без них трудно вообразить себе образование симфонического оркестра государственной философии.

6. *Философская рефлексия и ирония.* Как известно, рефлексия (от позднелат. reflexio – «обращение назад») есть способ самопознания, характеризующийся особым поворотом сознания на самое себя и вынесением Я «за скобки» рассматриваемой ситуации, а ирония (от др. греч. ειρωνεα/ειρωνεία – притворство) – неотъемлемая часть философской рефлексии, которая подвергает сомнению что-либо в виду его неявного смысла, кажущегося окружающим неистинным.

С этой точки зрения, философы не должны относиться к себе и своим произведениям слишком серьезно, избегая при этом живого дискурса и не проверяя свои идеи и концепции на практике. Иначе они рискуют превратиться в «ходячие памятники мысли» или «музеи мировой мудрости». Для участия в государственных заказах или образовательных программах нужно быть ироничным и самоироничным. Тонкая и неоскорбительная ирония позволяет избежать субъективных пристрастий или заблуждений, высокомерия или комплекса собственной неполноценности, профессионального снобизма или самоуничужения. Она актуальна как по отношению к другим участникам программы, так и (в первую очередь) к

самому себе. А ещё предметом иронии в рефлексивной форме выступает содержание самой программы, которая чаще всего «спускается» сверху, из чиновничьих кабинетов, хотя, как правило, с подачи самих исполнителей. Его необходимо адаптировать к потребностям каждого и преобразовать в продукт осмысленной деятельности, сделать мыслимое явным, а совместную работу – симфонией. В этом и состоит одна из первоочередных задач отечественных философов.

Вместо заключения. Приведу некоторые выводы.

1. Философия нужна в первую очередь тому государству, которое, с одной стороны, развивается в логике своей культуры, и у которого, с другой стороны, есть потребность в чёткой цивилизационной стратегии и собственной идеологии. Профессиональное философствование – признак зрелости общества и государства, их способности к рефлексии и саморефлексии. Именно посредством философии общество и государство познают себя и определяют пути дальнейшего развития. Однако в реальности философам приходится иметь дело с тем государством, которое сложилось во многом помимо их воли или желания. Поэтому необходимо не столько приспособлять свои идеи и практики к текущему государственному курсу, сколько корректировать последний в сторону гуманистичности и культуроцентричности, а также поднимать его на высоту идеала всечеловечности.

2. Служить государству для философа означает содействовать его идейно-нравственному совершенствованию и духовному очищению. Вместе с тем философ обязан позаботиться и о собственном духовном здоровье, преодолевая корпоративный дух философского сообщества и участвуя в общем деле цивилизационного проектирования России на её собственных культурных основаниях. И здесь философии принадлежит ключевая роль.

3. Быть на службе государству означает для философа способствовать укреплению и продвижению его цивилизационного статуса в современном мире. Никто не отменял экономической, военно-политической и культурной экспансии

западной цивилизации. Государство-цивилизация – это больше чем государство. В прежние времена такое государство называли империей, т.е. особым геополитическим образованием, которое оказывает всестороннее влияние далеко за пределами своих политических границ. Можно сколько угодно критически относиться к идее империи, обвиняя её авторов в приверженности насилию, но нельзя не признать, что государство, претендующее на создание собственной цивилизации, не может ограничиваться только выполнением взятых на себя международных обязательств. Его культурно-цивилизационная миссия значительно шире. И в обосновании данной миссии могут и должны принимать участие философы, если они, конечно, хотят служить государству.

В качестве же заключительной и иронической фразы приведу слова одного известного советского руководителя, произнесенные на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза (1962): «Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!». И добавлю от себя: «За новые победы философии!». А это – победы концептуального, практического, рефлексивного и ироничного разума, определяющего возможности и перспективы развития государства из логики его же собственной культуры, а не пытающегося конструировать его по чужим цивилизационным лекалам. Борьба за продвижение ценностных и мировоззренческих приоритетов российской цивилизации продолжается. И философы призваны вести идеологическую работу на этом важном участке. Такой мне видится государственная роль отечественной философии в текущий исторический момент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьёв В.С. Государственная философия в программе Министерства народного просвещения // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 175-184.
2. Соловьёв В.С. Русский национальный идеал // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 286-295.
3. Соловьёв В.С. Русская идея // *Соловьёв В.С. Соч.* в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 219-246.

4. Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьёв В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. Чтения о богочеловечестве. Философская публицистика. — М.: Изд-во «Правда», 1989. — С. 5-175.
5. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. — М.: Прогресс, 1995. — 800 с.
6. Мень М.А. Базовые ценности цивилизации: порядок дома // Цивилизация: Вызовы современности: Сб. статей / Под ред. М.С. Уварова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. — С. 268-276.
7. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. — М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 216 с.
8. Резник Ю.М. Подходят ли России проекты «цивилизация Софии» и «Вселенской церкви»? (Двойная утопия В.С. Соловьёва и её реконструкция) // Вестник ННГУ. Серия «Социальные науки». — 2020. № 3 (59). — С. 60-69.
9. Резник Ю.М. Пути построения экологической цивилизации в России (экоинтегральный подход) // Личность. Культура. Общество. — 2022. Том XXIV. Вып. 2. — С. 89-115.

Примечания

1. И всё это у него происходило на фоне осмысления В.С. Соловьёвым политических событий как внутри страны (морозовская стачка, забастовки и пр.), так и на внешнеполитическом периметре (военный конфликт с Афганистаном и связанный с ним англо-русский кризис, участие России в преодолении сербско-болгарского конфликта, военное напряжение на Дальнем Востоке и др.). Но, несмотря на эти политические и военные конфликты, Россия не вела тогда большую войну. Её суверенитет не подвергался таким испытаниям, как в 2022 г. Мы живём сегодня в совершенно другой международной ситуации, которую разные эксперты называют фазой ограниченных военных конфликтов, предвещающих вступление ведущих стран в третью мировую войну. Запад фактически объявил России войну и при этом прилагает все усилия, чтобы ослабить её военно-технический и человеческий потенциал. И, к огромному сожалению, это война направлена на полное уничтожение России как государства и цивилизации.

Должны ли философы в данной ситуации поддерживать высшее политическое руководство страны? Конечно, должны, что не отменяет их права на критическую рефлексию и конструктивные предложения, направленные на поиск путей преодоления глобального противостояния России и Запада, а также на формирование нового миропорядка.

2. Разумеется, нельзя однозначно утверждать, что философы обладают монополией на решение «вечных вопросов». Скорее всего, «вечность» как сфера познания и конструирования является предпосылкой для достижения консенсуса между верховной государственной властью, высшими церковными иерархами и официальными, т.е. признанными властью, философами. При этом каждая из сторон получает свою выгоду: светская власть — «прописку» в пространстве вечности, церковная — гарантии своей неприкасаемости, а академическая — звания и материальное положение. Кроме того, «попадание в вечность» всех участников этого процесса предполагает помимо прочего переписывание истории современной отечественной философии под сложившуюся политическую конъюнктуру. Следовательно, самой власти удобны, прежде всего, те философы, которые поддерживают и усиливают её иллюзию «пребывания в вечности».

3. См.: <https://www.elibrary.ru/titles.asp> (Дата обращения — 14.08.22).

4. См.: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH019bdfaf98c387c8da2579b> (Дата обращения — 15.08.22).

5. См.: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1358239035> (Дата обращения – 14.08.22).

6. См.: Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко; Отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. – М.: ИФ РАН, 2016 – 122 с.

7. См.: <https://katehon.com/ru/article/gosudarstvo-civilizaciya> (Дата обращения – 16.08.22).

8. См.: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHc976be694a17700058b2c9> (Дата обращения – 14.08.22).

9. См.: <http://www.eduevents.ru/articles/575> (Дата обращения – 14.08.22).

10. См.: <http://raphp.ru/ru/filosofskaya-praktika/#:~:text=%D0%A4%D0%98%D0%9B%D0%9E%D0%A1%D0%9E%D0%A4%D0%A1%D0%9A%D0%90%D0%AF%20%D0%9F%D0%A0%D0%90%D0%9A%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90%20%E2%80%94%20%D1%8D%D1%82%D0%BE%20%D0%BD%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9%D0%B8%D1%81%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8F%20%D0%B8%D0%B7%20%D0%B4%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D0%B7%D0%B0%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%20%D0%BA%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D0%BD%D1%82%D0%B0> (Дата обращения – 14.08.22).

Reznik Yu. M.

SHOULD PHILOSOPHY SERVE THE STATE?

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 12 / 1
Goncharnaya Str., Moscow, 109240 Russian Federation. E-mail:
reznik-um@mail.ru

***Abstract:** Philosophy has always been in a difficult relationship with the state, moving from cooperation with it to confrontation, and vice versa. Meanwhile, the overwhelming majority of Russian philosophers directly or indirectly “work” for the state. Philosophy as a discipline is firmly embedded in educational programs and has the right to be considered state. V.S. Solovyov thought about this and many other things more than 130 years ago. His thoughts turned out to be relevant for our time as well. Russian philosophy is still in the grip of bureaucracy. And today she found herself, along with the whole country, still in political isolation.*

The author of this article focuses not only on the state status of philosophy, but also on the possibility of its participation in ideological work. Our great predecessors (V.S. Solovyov, N.S. Trubetskoy, etc.)

tried to determine the spiritual and civilizational foundations of the Russian statehood, placing special hopes on the Christian religion. They criticize the subordinate role of philosophy to the state, and the latter to the government bureaucracy.

According to the author, philosophy is state in the sense that it is: (1) funded by the state; (2) determined by state standards and subjected to bureaucratic regulation; (3) follows cultural traditions and participates in its own part in the formation of the ideals of the state. In their service to the state, philosophers are guided by intuition, ideas and concepts, implementing them in the form of reflexive and project practices, as well as through symphonicity and reflection. Their main goal is to substantiate the cultural and civilizational mission of Russia in the modern world.

Keywords: *Russia, culture, civilization, philosophy, state, cultural mission, idea, ideology, concept, practice, ideocracy, ministry, symphony, reflection, irony.*

REFERENCES

1. Solov'yov V.S. Gosudarstvennaya filosofiya v programme Ministerstva narodnogo prosveshcheniya // Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika. — M.: Izd-vo «Pravda», 1989. — S. 175-184.
2. Solov'yov V.S. Russkiy natsional'nyy ideal // Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika. — M.: Izd-vo «Pravda», 1989. — S. 286-295.
3. Solov'yov V.S. Russkaya ideya // Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika. — M.: Izd-vo «Pravda», 1989. — S. 219-246.
4. Solov'yov V.S. Chteniya o bogochelovechestve // Solov'yov V.S. Soch. v 2 t. T. 2. Chteniya o bogochelovechestve. Filosofskaya publitsistika. — M.: Izd-vo «Pravda», 1989. — S. 5-175.
5. Trubetskoy N.S. Istoriya. Kul'tura. YAzyk. — M.: Progress, 1995. — 800 s.
6. Men' M.A. Bazovyye tsennosti tsivilizatsii: poryadok doma // Tsivilizatsiya: Vyzovy sovremennosti: Sb. statey / Pod red. M.S. Uvarova. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2009. — S. 268-276.
7. Smirnov A.V. Vsechelovecheskoye vs obshchechelovecheskoye. — M.: OOO «Sadra»: Izdatel'skiy Dom YASK, 2019. — 216 s.
8. Reznik Yu.M. Podkhodyat li Rossii proyekty «tsivilizatsiya Sofii» i «Vselen-skoy tserkvi»? (Dvoynaya utopiya V.S. Solov'yova i yeyo rekonstruktsiya) // Vestnik NNGU. Seriya «Sotsial'nyye nauki». — 2020. № 3 (59). — S. 60-69.
9. Reznik Yu.M. Puti postroyeniya ekologicheskoy tsivilizatsii v Rossii (ekoin-tegral'nyy podkhod) // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. — 2022. Tom XXIV. Vyp. 2. — S. 89-115.

Поступила в редакцию 15.07.22 г.